

В. Л—ТИНЬ.

НЕ
БЕЗНРАВСТВЕННОЕ
ЛИ
ВПЕЧАТЛЕНІЕ ПРОИЗВОДИТЬ
„ВЛАСТЬ ТЪМЫ“

Графа Толстого
на „сѣрую публику?“

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія И. Рапопорта, Садовая ул., д. № 33.

1896.

115. Bu. Bond

В. Л—тинъ.

НЕ

БЕЗНРАВСТВЕННОЕ

ЛИ

ВПЕЧАТЛЕНІЕ ПРОИЗВОДИТЬ

„ВЛАСТЬ ТЪМЫ“

Графа Толстого

на „сѣрую публику?“

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія И. Рапопорта, Садовая ул., д. № 33.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Декабря 1895 г.

„Власть Тьмы“, или „коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть“—такое заглавіе далъ графъ Толстой своей драмѣ. Заголовокъ этотъ, показывая, какое значеніе мы должны придавать слову „Тьма“, даетъ намъ, кромѣ того, прямое указаніе и на то, что желаетъ провести и доказать Авторъ своимъ произведеніемъ. Очевидно, слово „Тьма“ въ данномъ случаѣ замѣняетъ слово зло, почему и заглавіе „Власть Тьмы“ можно замѣнить другимъ—„Власть Зла“.

Драма написана для народа; въ ней, видимо, авторъ хотѣлъ показать своимъ „простымъ“ читателямъ и зрителямъ, какъ велика власть зла, „злого духа“ (Тьмы): стоить лишь разъ совершить зло, какъ это самое зло обязательно вызываетъ человѣка на совершеніе нового дурного дѣла и т. д., безъ конца, пока человѣкъ совсѣмъ не погрязнетъ и не погибнетъ во злѣ, точь въ точь, какъ пропадаетъ птичка увязшая въ началѣ лишь однимъ коготкомъ.

Такія предположенія—принимая въ соображеніе заглавіе пьесы, характеръ дѣятельности нынѣшняго графа Толстого—по моему, въ правѣ дѣлать всякий читатель, приступившій къ чтенію драмы. Прочитавъ ее, мы увидѣли, что въ общемъ не ошиблись: Авторъ, дѣйствительно, старается—насколько возможно нагляднѣе и рельефнѣе (для чего и сюжетъ взялъ изъ крестьянской жизни)—показать народу, какъ опасно и пагубно отдаваться хоть разъ злому влечению.

При этомъ сюжетъ драмы и дѣйствующія лица подобраны нашимъ знаменитымъ художникомъ замѣчательно талантливо и главное — вполнѣ соответствуютъ поставленной впереди цѣли: житейская драма, совершающаяся въ пьесѣ, совершенно соответствуетъ условіямъ бытовой жизни нашихъ крестьянъ и, будучи при томъ довольно обыденной народной драмой, отлично служить Автору для доказательства основной мысли; герой драмы, самые типичные представители нашего крестьян-

---

Статья эта была написана тотчасъ же по появлѣніи драмы въ печати, но была въ обращеніи въ рукописи лишь между близкими миѣ, Никуда—ни въ какіе журналы и газеты съ предложеніемъ напечатать статья эта не посыпалась. Только теперь я считаю своимъ правственнымъ долгомъ пустить ее во всеобщее обращеніе.

B. Л-тинъ.

ства, вовсе не будучи по натурѣ своей испорченными людьми— въ силу простой необходимости, явившейся слѣдствиемъ разъ совершенпаго преступнаго дѣянія,— переходить отъ преступленія къ преступленію — отъ сравнительно легкаго къ все болѣе и болѣе тижкому. Такъ главный герой пьесы добродушный, влюбчивый и въ высшей степени безхарактерный Никита (человѣкъ съ типичнѣйшими русско-славянскими чертами) изображаетъ собой пресловутую птичку, увязвшую въ началѣ только одинъ коготокъ свой.

Приступая теперь къ подробному разбору самой пьесы, я долженъ предварительно отмѣтить одну весьма важную и характерную особенность ея: Авторъ не счелъ возможнымъ отнести совершенно объективно къ ходу совершающихся въ драмѣ событий; онъ какъ бы не вполнѣ надѣется на то, что невѣжественные читатели и зрители его пьесы способны сами—безъ посторонней помощи—на события эти взглянуть съ правильной и вѣрной точки зрѣнія и въ результатѣ вынести благотворное и полезное моральное впечатлѣніе. Вотъ почему въ самыхъ рѣзкихъ перепитіяхъ драмы графъ Толстой въ лицѣ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, Акима, преподносить публикѣ свои современные нравственные идеалы и воззрѣнія, которые должны дать ключъ къ достодолжному пониманію и уразумѣнію совершающагося самому невѣжественному и малоразвитому человѣку.

Пресловутую птичку, какъ я уже упомянулъ, изображаетъ изъ себя молодой (25 лѣтъ) мужикъ Никита, батракующій у богатаго болѣзненнаго пожилого (42 лѣтъ) крестьянина Петра, вторично женатаго (отъ первой жены у него осталась приурковатая дочь Акулина (16 лѣтъ) на легкомысленной и развратной бабенкѣ Анисье (32 лѣтъ), съ которой прижилъ дочь Анютку (10 лѣтъ).

Къ особымъ качествамъ, характеризующимъ Никиту,—кромѣ уже указанныхъ мною,—относится его красивая внешность, которая вмѣстѣ съ врожденными донжуанскими способностями дѣлала изъ его особы соблазнительный „медь“ для всякой деревенской бабы.

Житейская драма, разыгравшаяся постепенно въ домѣ Петра, началась съ того, что влюбчивый Никита сошелся съ своей хозяйкой, Анисьей, которая, съ одной стороны, не получая достодолжного удовлетворенія своихъ законныхъ потребностей отъ больного мужа, а съ другой, не съумѣвъ устоять—слѣдствіе своей легкомысленности—противъ ловкихъ подходцевъ завѣдомаго мѣстнаго Донъ-Жуана и ловеласа, легко и скоро отдалась, проживающему у нихъ, красивому работнику.

Если бы дѣло обошлось только одними интимными отношениями между Анисьей и Никитой, то, чего доброго, практическихъ дурныхъ результатовъ для послѣдняго и не воспослѣдовало бы: Никита могъ бы пожалуй ферлакурничать съ своей хозяйкой—даже и съ вѣдома (подъ конецъ) добродушнаго и умнаго Петра, который отлично понималъ, въ какое безотрадное и почти безвыходное положеніе поставила молодую красивую Анисью его продолжительная болѣзнь. Случись такъ въ дѣйствительности—что можно съ большой вѣроятностью предположить—и драмы бы никакой пожалуй не произошло, и Никита, погрѣшившій сразу противъ 7-й и 10-й заповѣдей, совсѣмъ и не оказался бы въ положеніи злосчастной погибшей итички, спервоначалу увязившей *лишь одинъ холотокъ свой*.

Преступная связь Никиты съ Анисьей только потому оказалась гибельной по своимъ послѣдствіямъ для первого, что послужила причиной нарушенія обѣщанія жениться, даннаго имъ раньше—до поступленія въ батраки къ Петру—одной, отдавшейся ему—за это самое обѣщаніе—„хорошай, дюже хорошей“ (?) дѣвкѣ—сиротѣ, Маринѣ.

Драму началъ родитель Никиты Акимъ, пріѣхавшій съ своей женой Матреною къ сыну для того, чтобы побудить его не обижать сироты, а сдержать свое обѣщаніе—жениться на ней.

Акимомъ, служащимъ въ обществѣ ассенизаціи—пока еще на самыхъ низшихъ іерархическихъ ступеняхъ—графъ Толстой, между прочимъ, очевидно, хотѣлъ доказать своимъ простымъ читателямъ и зрителямъ ту вѣрную и симпатичную мысль, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Уже съ самаго первого появленія Акима, съ первыхъ его словъ для всякаго является яснымъ и безспорнымъ, что въ немъ то именно и лежитъ ключъ къ *надлежашему* пониманію, долженствующихъ совершаться впереди, событій.

Акимъ представляеть изъ себя въ драмѣ единственный источникъ свѣта, долженствующій давать ей извѣстное освѣщеніе.

Побудительная причина, заставившая Акима настоятельно попытать сына къ женитьбѣ на Маринѣ—это простое желаніе ему добра. По нравственнымъ убѣжденіямъ Акима, человѣкъ, обидѣвшій себѣ подобнаго, не имѣть права на счастье на землѣ: Богъ отступится отъ такого человѣка, потому что горе обиженнаго громко вопіетъ къ небу. Вотъ весь нравственный кодексъ Акима; онъ весьма не сложенъ и простъ, но въ немъ—вся соль христіанскаго ученія.

Невзрачный, простоватый, до смѣшного не велерѣчивый, добывающій къ тому же себѣ кусокъ хлѣба самою жалкою—

по мнѣнію окружающихъ его—и презрѣнною работою, Акимъ долженъ бы вселять всѣмъ знающимъ его самое презрительное и смѣшное впечатлѣніе. Но на самомъ дѣлѣ этого неѣтъ: простота и въ тоже время высота нравственныхъ убѣжденій Акима, его *безобидная для близкихъ жизнь* дѣлаютъ его личность невольно для всѣхъ уважаемо и его безсвязную рѣчь, никогда не идущую въ разрѣзъ съ дѣломъ—крайне вѣтской и цѣнной для слушателей. Однимъ словомъ, должно признать, Толстому въ лицѣ Акима удалось блестищимъ образомъ показать всю громадную величину значенія истины и правды—все облагораживающей и очищающей.

Хотя и легкомысленный, но добродушный и не потерявший еще совсѣмъ совѣсти Никита, вѣроятно, исполнилъ бы волю родителя—покрылъ бы женитьбой своей грѣхъ съ Мариной; но этому помѣшали, съ одной стороны, взаимная любовь его съ Аниссѣй, а съ другой, родная мать его, Матрена.

Интересенъ типъ послѣдней.

Это полнѣйшій антитезъ Акиму. Послѣдній во всѣхъ дѣлахъ своихъ стремится, первѣе всего, поступать „по Божески“, супруга же его, на все смотрѣвшая съ точки зреінія простой выгоды и самаго грубаго материальнаго разсчета, совершенно не обращала никакого вниманія на соображенія нравственныхъ и религіозныхъ.

Братская христіанская любовь и самый грубый узкій материализмъ, воплощенные Толстымъ въ лицахъ Акима и Матрены, столкнулись во вліяніяхъ своихъ на всѣхъ почти дѣйствующихъ лицѣ пьесы. Само собой разумѣется, власть зла (тымы) оказалась болѣе сильной и вліятельной (въ дѣлахъ мірскихъ), отчего все направленіе событий получило извѣстный драматическій характеръ и окраску.

Умная и проницательная Матрена тотчасъ же замѣтила близость отношеній между ея сыномъ и Аниссѣй. Соображенія самого практическаго свойства тотчасъ же—по обыкновенію—зароились въ ея головѣ. Съ одной стороны, Аниссѣя, видимо, какъ кошка, влюблена въ Никиту, а съ другой, неизлечимо больной Петръ не нынче завтра умретъ, оставивъ въ наслѣдство своей женѣ свободу и богатство. Упустить представляющійся случай разбогатѣть—въ самомъ недалекомъ будущемъ—должно было казаться Матренѣ—всю жизнь трудившейся до пота лица и для того лишь, чтобы не ходить съ сумой подъ окнами сосѣдей—непростительнѣйшей глупостью, почти равносильной полному безумію. Результатомъ таковыхъ соображеній Матрены явилось, во первыхъ, усиленное стараніе ея помѣшать невыгодной женитьбѣ сына на Маринѣ, а во вторыхъ, энергичное вмѣшательство ея въ отношенія

Никиты и Анисьи. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ Матрену однимъ изъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ драмы.

Пользуясь почти неограниченнымъ вліяніемъ на своего слaboхарактерного сына, Матрена, прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, постаралась, по возможности, прибрать къ рукамъ и Анисью. Представивъ ей близкую перспективу будущаго счастья въ супружествѣ съ ея сыномъ—лишь только Петръ своей смертью дасть ей полную свободу—Матрена, кромѣ громаднаго вліянія, которое она, въ качествѣ матери Никиты и лица вполнѣ сочувствующаго ея настоящему безотрадному положенію, сразу пріобрѣла на легкомысленную Анисью, сообщила и мыслямъ этой развратной бабенки—уже и такъ не безгрѣшнымъ въ отношеніи умирающаго мужа—сугубо преступный характеръ. Страстное желаніе скорой смерти Петра, служащаго единственною помѣхой ея счастью, всецѣло завладѣло всѣмъ существомъ Анисьи.

Пользуясь такимъ настроеніемъ ея, Матрѣнѣ не трудно было уговорить ее принять иѣкоторыя мѣры—вполнѣ безопаснѣя—къ ускоренію кончины Петра. Снадобье, данное Анисьѣ матерью Никиты—при отѣзгѣ еи изъ дома Петра—начало уже оказывать свое дѣйствіе: болѣзненное состояніе супруга Анисьи прогрессивно увеличивалось и усиливалось, такъ что смерть его обрисовывалась уже въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Обладая, вслѣдствіе своей тѣжкой болѣзни, сугубой подозрительностью и изощренной наблюдательностью, Петръ не могъ не замѣтить, съ одной стороны, преступной связи Никиты съ Анисьей, а съ другой—и страстно нетерпѣливаго ожиданія послѣдней его, Петра, смерти. Самъ чувствуя скопорое приближеніе послѣдней, Петръ невольно долженъ былъ думать о томъ, какъ наиболѣе распорядиться деньгами, которыхъ останутся послѣ него. Забота обѣзпечениіи дѣтей своихъ, съ одной стороны, и желаніе наказать свою преступную жену, съ другой, привели его къ мысли лишить наслѣдства Анисью, оставивъ деньги другому, болѣе надежному и достойному лицу. Не считая возможнымъ наслѣдницей своей сдѣлать малоумную Акулину, Петръ порѣшилъ передать деньги—еще при жизни своей—сестрѣ Марѣ, въ добросовѣстности и честности которой онъ былъ увѣренъ.

Вслѣдствіе такого намѣренія Петръ посыластъ дочь свою Акулину за Марою. Встревоженная Анисья, догадываясь, зачѣмъ ея мужу нужно видѣть сестру, старается помѣшать этому свиданію или, по крайней мѣрѣ, отсрочить его; и вотъ она отправляетъ Акулину, уже собравшуюся идти къ теткѣ, съ бѣльемъ на рѣчку; выигранное же время Анисья намѣре-

валась употребить на самые энергичные поиски денегъ, которые до сихъ порь Петру удавалось искусно скрывать отъ всѣхъ своихъ домашнихъ. Какъ разъ въ это время на помощь Анисью явилась Матрена. Разсчитавъ, что данное ею снадобье должно уже скоро оказать свое рѣшительное дѣйствіе, она появилась теперь въ домѣ Петра, чтобы наблюсти интересы своего сына. Узнавъ положеніе дѣль, Матрена рѣшила, что необходимо приступить къ самымъ энергичнымъ дѣйствіямъ. Заставивъ Анисью пустить въ ходъ новое, еще болѣе дѣйствительное, снадобье, Матрена вмѣстѣ съ этимъ употребила всѣ усилия, чтобы завладѣть деньгами Петра, который или держалъ ихъ при себѣ, или хоронилъ въ разныхъ мѣстахъ, когда оставался одинъ въ домѣ.

Результаты такового участія Матрены въ ходѣ совершающихся событий не замедлили воспослѣдовать. Деньги оказались, минуя руку Анисии, во власти одного Никиты, жившагося на ней послѣ, быстро послѣдовавшей, смерти Петра.

И такъ мы видимъ, мечты любовниковъ осуществились на дѣль; теперь бы имъ только и наслаждаться тою жизнью, которой они такъ страстно добивались,—тѣмъ болѣе, что, съ похоронами Петра, должна кануть въ вѣчность и боязнь расплаты за ускоренную смерть его у преступныхъ, супруговъ (у Анисии, какъ отравительницы, у Никиты, какъ памѣренно закрывавшаго глаза и не хотѣвшаго ничего видѣть).

Но, какъ мы уже говорили, по убѣжденію Автора, счастье недоступно для человѣка, совершившаго зло, потому что всякое зло неизбѣжно влечетъ за собой совершеніе новыхъ преступныхъ дѣяній и до тѣхъ порь, пока творящій это самое зло не окажется въ положеніи окончательно проигравшей и погибшей итички. Вотъ въ такомъ то положеніи и должны были въ концѣ концовъ оказаться и Никита и Анисия.

Съ первыхъ уже дней супружества испо стало обоимъ супругамъ, какъ лживы и обманчивы были ихъ надежды и упованія на счастье и благополучіе.

Не въ конецъ еще испорченому Никитѣ Анисія—отравительница своего мужа—скоро стала внушать боязливое отвращеніе; прежней любви и въ поминѣ не оказалось. Сожалѣніе, что онъ на всю жизнь связалъ себя съ преступной бабой, начало поѣдомъ грызть Никиту и привело его въ концѣ концовъ къ тому, что онъ сталъ по своему искать себѣ утѣшеннія и нашелъ его наконецъ въ открытой связи съ своей падчерицей Акулиной.

Понятно, что, при такомъ поведеніи Никиты, Анисью, страстно любившій своего нового мужа, было далеко до счастія. Горечь ея положенія усугублялась еще тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что деньги были въ рукахъ Никиты, который, слѣдя софѣту своей матери, и не подумалъ ихъ передать своей женѣ, а оставилъ при себѣ, чтобы быть хозяиномъ въ домѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

Чтобы настоящій смыслъ положенія Анисы и Никиты нагляднѣе и рельефнѣе представился зрителямъ и читателямъ пьесы, Авторъ опять выдвигаетъ на сцену Акима. Послѣдній прибылъ къ сыну, чтобы посмотретьъ на его житѣ-бытье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обратиться къ нему — въ виду своего настоящаго печальнаго экономического положенія — за материальною помощью и поддержкой. Цѣлый рядъ семейныхъ сценъ между Никитой, Анисѣй и Акулиной дали Акиму самое вѣрное и точное представленіе о положеніи дѣлъ въ семье сына. При этомъ, догадываясь, что богатство досталось Никитѣ не совсѣмъ чистыми путями, Акимъ решительно отказывается принять ту сумму денегъ, которую такъ охотно предлагалъ ему его сынъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ обстоятельствомъ, что деньги эти нечисты и, кроме зла и несчастья, человѣку ничего не принесутъ. При этомъ Акимъ высказалъ сыну, что ему придется навсегда отказаться отъ надежды на покой и счастье, потому что Богъ отступилъ отъ него, какъ отъ человѣка, погрязшаго уже во злѣ.

Въ заключеніе Акимъ среди глубокой ночи съ негодованіемъ оставляетъ сына, говоря: „лучше подъ заборомъ переночую, чѣмъ въ пакости твоей“. Послѣднія слова Акима при этомъ были: „Опамятуйся, Микита. Душа надобна“.

Такое очевидное критическое отношение — всегда въ глубинѣ души уважаемаго отца — къ его поведенію совершенно поколебало душевное равновѣсіе Никиты. Угрызенія совѣсти, уже раньше сильно беспокоившія его, теперь окончательно завладѣли имъ. Смутно сознавая истину словъ отца, что ему впереди предстоитъ лишь одно горе и несчастье, Никита, чтобы отвлечь себя отъ мрачныхъ и печальныхъ мыслей, ударился въ самый дикий разгулъ и пьянство. Матрена, оставшаяся въ домѣ сына, сама послѣдовала ему поискать утѣшенья въ винѣ, расчитывая, что современемъ — когда Никита отдастъ наконецъ отъ своихъ мрачныхъ мыслей — она сумѣетъ удержать его отъ дальнѣйшаго разгула.

Картина полнѣйшей семейной неурядицы удержала здѣсь Матрену.

Внѣsti порядокъ въ расшатанное и разлагающееся хозяйство для нея — имѣвшей идеаломъ: вѣнчанее благоустройство домашнаго очага, — было, кроме долга любящей матери, еще насыщеннѣйшей и настоятельнѣйшей органической потреб-

ностью. И Матрена принялась вглядывать порядокъ въ семье сына. Само собой разумѣется, для этого нужно было первѣе всего поселить любовь и согласіе между разошедшими супругами, и Матрена энергично, не разбирая средствъ, начала добиваться этого.

Зная слабохарактерность Никиты, она понимала, что любовь его къ Акулини, главнѣйшимъ образомъ мѣшавшая ему сойтись съ женой, можетъ быть съ корнемъ вырвана только тогда, когда предметъ этой любви будетъ совершенно удалить съ глазъ любовника, и вотъ Матрена, заручившись содѣйствиемъ Анисы, которую она посвятила въ свои планы, начинаетъ усиленно хлопотать о томъ, чтобы выдать замужъ на сторону Акулину. Среди этихъ хлопотъ неожиданно открывается для нихъ, что Акулина давно уже чувствуетъ себя беременной. Обстоятельства усложняются: выдать замужъ „гулявшую“ дѣвку да еще съ ребенкомъ, даже и въ крестьянскомъ быту, дѣло довольно хитрое, а иногда и почти совсѣмъ невозможное. Но Матрена была вовсе не изъ такихъ, которую могли бы остановить какія-либо препятствія: задавшись разъ извѣстной цѣлью, при достижениіи ея она шла напроломъ, выбирая подходящія средства, не разбирая того,—законныя онѣ или нѣтъ. Понятно, что, при такомъ взглядѣ на вещи, невозможное для другихъ, для Матрены, служащей воплощеніемъ Зла—злой воли, было дѣломъ исполнимымъ и даже легкимъ.

На общесемейномъ совѣтѣ *) (энергичная Матрена всю семью и даже самое добродушную и простоватую Акулину—которой уже опротивѣло быть яблокомъ раздора въ домѣ—успѣла привлечь къ выполненію ея плана и намѣреній) рѣшено было скрыть отъ сосѣдей беременность Акулины и искать ей жениха, какъ непорочной и честной дѣвушки.

Чтобы эти поиски, во всякомъ случаѣ, увѣнчались успѣхомъ, постановлено было объѣщать за Акулиной, про сношенія которой съ Никитой должна быть ходить молва „по округѣ“, доста-точное приданое. Что же касается до ребенка, который, явясь на свѣтъ, можетъ послужить помѣхой женитьбѣ, Матрена высказалась, что, если взяться за дѣло какъ слѣдуетъ, ребенокъ не помѣшаетъ, потому что въ своеемъ домѣ и своей семье все можно сдѣлать.

Поиски жениха увѣнчались вскорѣ полнымъ успѣхомъ. Въ домѣ начали навѣдываться сваты жениха, чтобы говориться о приданомъ и поглядѣть дѣвку. До послѣдняго ихъ не допускали, потому что Акулина, какъ разъ въ это время почувствовала себя „на послѣднихъ сносяхъ“, и появление на свѣтѣ ребенка слѣдовало ожидать во всякой моментъ. Каса-

*) Хотя Авторъ и не упоминаетъ про него но, конечно, иѣчто въ этомъ родѣ было.

тельно этого ребенка, буде если онъ родится не „мертвень-
кій“ (на что съ вождѣніемъ втайни упомали всѣ домашніе)—
у Матрены было уже принято рѣшеніе. Небольшой кусокъ
миса съ едва тлѣющею искоркою жизни не долженъ быть
помѣхой счастью цѣлой семьи и благосостоянію „хозяйства“
въ домѣ. Легко добившись того, чтобы Анисья вполнѣ раз-
дѣляла ея образъ мыслей, Матрена вмѣстѣ съ ней положила:
призвавъ въ рѣшительный моментъ къ дѣйствію Никиту, по-
кончить съ ребенкомъ и скрыть трупъ его въ домѣ; что же
касается до Акулины, обѣ бабы рѣшили, опасаясь вѣроятнаго
проявленія материальныхъ инстинктовъ, ничего не говорить
ей, пока дѣло не будетъ сдѣлано.

Вскорѣ затѣмъ Акулина разрѣшилась отъ бремени; ребе-
нокъ оказался живымъ, и Матренѣ съ Анисьей пришлось свое
преступное намѣреніе приводить въ исполненіе.

Первѣе всего взялись за Никиту. Послѣдній сначала съ
ужасомъ и негодованіемъ отвергъ предложеніе „проклятыхъ
(„смѣлыхъ“) бабъ“ умертвить и схоронить въ погребѣ ребенка.
Но, само собой разумѣется, если женщина захочетъ чѣго-ни-
будь упорно и настойчиво, гдѣ слaboхарактерному мужчинѣ
противостоять ей; Никитѣ же пришлось имѣть дѣло съ цѣ-
лыми двумя „проклятыми („смѣлыми“) бабами“, и, конечно,
онъ не устоялъ. Придя къ убѣжденію—вслѣдствіе доводовъ
Матрены—что предполагаемое преступленіе необходимо для
счастья всего дома, онъ далъ наконецъ свое согласіе—быть
главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ уничтоженія плода
своей грѣховной связи съ Акулиной.

Замѣчай колебаніе Никиты и видя, что оно происходитъ
главнымъ образомъ не отъ боязни земного наказанія, а отъ
страха грѣха и возмездія за него свыше, добрая маменька
постаралась до иѣкоторой степени успокоить взволнованную
совѣсть своего сына. Доводы ея при этомъ заключались въ
томъ, что убійство новорожденнаго ребенка совсѣмъ не то,
что умерщвленіе взрослого человѣка, потому что новорожден-
наго и человѣкомъ то еще считать нельзя, такъ какъ ни
души у него, ни разума—ничего еще иѣть—такъ „пискленокъ“,*)
живой кусокъ мяса и больше ничего. Сцѣна умерщвленія ребенка
вышла у Толстого замѣчательно драматичной и художест-
венной. Умертвить и погребсти его рѣшили для пущей безо-
пасности въ погребѣ на дворѣ. Послѣ долгихъ колебаній и
понуканій—со стороны обѣихъ бабъ (особенно Анисьи,—
желавшей видѣть въ своемъ мужѣ равнаго себѣ преступника)
Никита наконецъ покончилъ съ ребенкомъ; закопать же его

*.) Не такъ буквально разсуждала Матрена въ драмѣ Толстого; въ дѣйст-
вительности, въ жизни, сотни тысячъ Матренъ именно такъ разсуждаютъ.

у него не хватило силъ. Пришлось Матренѣ доканчивать злодѣяніе.

Замѣчательно, что, съ легкостью взявъ на душу грѣхъ убіенія младенца, бабы не рѣшились загубить его, не окрестивъ предварительно. Обрядъ крещенія совершила Анисья, послѣ того какъ чутъ не насильно отняла его у Акулины; въ заключеніе Анисья надѣла на ребенка крестикъ.

Спокойныя, если не сказать даже, совершенно безмятежныя разсужденія Матрены (во время совершеннія убийства) надъ погребомъ о томъ, что Богъ часто посыаеть дѣтей не тому, кому слѣдуетъ (по нацѣ), показываютъ намъ рельефнымъ образомъ, какъ грубъ, дикъ и первобытенъ еще нашъ простой народъ. Наивная жестокость и кровожадность, съ которой нашъ крестьянинъ ведеть подчасъ борьбу за свое существованіе, совершенно уподобляютъ его дикарю, по примитивности своей, и не понимающему, что должно разбирать средства для достижения извѣстныхъ жизненныхъ цѣлей. Не думаю, чтобы я хватилъ черезъ край, сдѣлавъ такое сравненіе. Слѣди за Матреною во время процесса убіенія ребенка, мнѣ невольно приходитъ въ голову даже совсѣмъ уже наивное сравненіе. Не уподобляется ли она въ эту моментъ львицѣ или тигрицѣ, съ совершенно спокойною совѣстью растерзывающей какое-либо слабѣйшее животное для утоленія голода своего и дѣтей своихъ!?

Однимъ словомъ, я хочу всѣмъ этимъ сказать, что звѣрство даже Матрены—этого воплощенія духа зла въ драмѣ—не есть слѣдствіе нравственой ея испорченности, а скорѣе прирожденное ея свойство, болѣе или менѣе общее нашего крестьянина и являющееся результатомъ той примитивной борьбы за существованіе, которую принуждены еще вести нашъ невѣжественный народъ. По этому—дикое невѣжество нашего крестьянина—вотъ, по моему, что рельефнѣе всего представляется и доказывается Авторомъ въ его драмѣ, и „Власть Тьмы“ для интеллигентнаго читателя уже является не властью зла—злого духа, а властью Мрака и невѣжества, въ которомъ погрязъ по уши нашъ народъ. И, по моему, результатъ этотъ, неожиданно получившійся, въ тысячу разъ важнѣе той цѣли, которую стремился доказать Авторъ, несумѣвшій (что я пои пробую выяснить въ своемъ мѣстѣ), по моему, достаточно рельефно и убѣдительно доказать простому читателю и зрителю драмы всѣ злама и паузбныя послѣдователія подчиненія человѣка злой волѣ и дурному влечению.

Съ неподражаемой выпуклостью и рельефностью представивъ дикость и первобытность нашего народа, Авторъ при-

несь тѣмъ громадную пользу русскому обществу, ибо *желаніе вивести нашего крестьянина на светъ Божій изъ тьмы и мрака* должно еще съ большей силой проявиться у интеллигентныхъ русскихъ людей, которые и прежде ратовали за народное просвѣщеніе; тѣ же—довольно таки многочисленные—интеллигентные русские люди, которые въ образованіи народа видятъ какую то страшную общественную опасность и въ относительномъ невѣжествѣ нашего простого люда полагаютъ опору порядка цѣлаго государственного строя, навѣрное задумаются по прочтеніи драмы—и, если не измѣнять въ конецъ своихъ обскурантскихъ взглядовъ, то, во всякомъ случаѣ, не съ прежнею безмятежностью будутъ смотрѣть на прозибаніе варода нашего во мракѣ и невѣжествѣ.

Вотъ—каково, по моему, общественное значеніе драмы „*Власть Тьмы*“!

На сколько оно—важно и велико, говорить объ этомъ, кажется, нечего.

Теперь, продолжая слѣдить за ходомъ драмы, посмотримъ, на сколько убѣдительно удалось Автору доказать простому народу ту истину, которая формулируется самимъ заглавіемъ пьесы.

Какъ мы видѣли, Никита рѣшилъ таки наконецъ умертвить ребенка. Пискъ ребенка и трескъ его костей (Никита прикрылъ ребенка доской и затѣмъ сѣль на нее) поразили при этомъ своюю неожиданностю преступника и въ тоже время дали ему полное представленіе о томъ страшномъ преступлѣніи, которое онъ совершилъ за секунду.

Съ воплями отчаянія, характеризующими всю глубину со-
зnanія содѣянного злодѣянія, выскочилъ Никита изъ ногреба.
Сразу стало очевидно для всякаго, что Никита дошелъ уже
до рокового предѣла, который былъ намѣченъ Авторомъ че-
ловѣку, во всѣхъ предыдущихъ дѣйствіяхъ драмы такъ легко
переходившему отъ одного преступленія къ другому. Увязив-
шаго въ началѣ лишь одинъ коготокъ, Никиту теперь смѣло
уже можно считать окончательно „пропавшей птичкой“! По-
тому, какъ онъ отнесся къ совершенному имъ преступленію,
можно уже навѣрное предвидѣть, что Никита въ конецъ раз-
билъ свою жизнь.

Каторга или вѣчныя страшныя угрывенія совѣсти—вотъ
что только предстоитъ ему въ будущемъ.

И, дѣйствительно, звѣрски умерщвленный младенецъ нав-
сегда отнялъ душевный покой у Никиты. Тщетно пытались
заглушить страшныя угрывенія совѣсти отчаяннымъ пьянствомъ
и разгуломъ, Никита приходитъ въ концѣ концовъ къ убѣж-
денію, что единственное, что ему еще остается въ жизни—
это каторга.

Въ ней по крайней мѣрѣ можно страданіями искупить свой грѣхъ и въ заключеніе возвратить утраченное душевное спокойствие.

Торжественное сознаніе Никиты на свадьбѣ Акулины въ совершенныхъ преступленіяхъ должно произвести сильное впечатлѣніе на читателей и особенно зрителей пьесы: оно чисто въ русскомъ и народномъ духѣ. Въ показаніи Никиты и въ настроении присутствовавшаго народа, отнесшагося не съ негодованіемъ, а съ участіемъ къ раскаивающемся*), рельефно выказались, между прочимъ, тѣ свѣтлыя стороны нашего крестьянина, которыя показываютъ, какой глубокій—чисто христіанскій—слѣдъ оставила въ немъ наша православная вѣра.

И такъ, Толстому, значитъ, вполнѣ удалось достигнуть намѣченной заранѣе цѣли? Изображеніемъ легкости и неизбѣжности перехода отъ одного преступленія къ другому и неизбѣжною карою за него въ концѣ концовъ, произвести глубоко нравственное впечатлѣніе на слушателей, по ходу драмы осознательно долженствующихъ убѣдиться въ томъ, въ какую пропасть можетъ попасть человѣкъ, если только хоть разъ поддается дурному влечению? При этомъ показаніе Никиты должно произвести на нихъ свое заключительное моральное дѣйствіе, какъ актъ удовлетворяющей врожденному чувству справедливости всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе простого и неразвитаго, не могущаго—безъ вредныхъ для нравственности своей послѣдствій—примириться съ фактамъ конечнаго торжества зла на землѣ.

Все это было бы такъ, если бы только *примиръ Никиты* былъ вполнѣ убѣдителенъ для (простыхъ) слушателей и зрителей пьесы. Миѣ кажется, что преступленія Никиты и особенно подробности совершенія убийства ребенка носятъ вполнѣ *искусственный характеръ*, употребленный Авторомъ намѣренно, чтобы произвести извѣстное, нужное ему, дѣйствіе.

Автору нужно было въ концѣ концовъ раскаяніе Никиты. Тонкій психологъ и знатокъ деревни Толстой, видимо, чувствовалъ, что преступленія, совершающіяся въ драмѣ—если не самая ординарная и обыденная въ деревенскомъ быту—то, во всякомъ случаѣ, такія, на которыя грубый и невѣжественный крестьянинъ нашъ—съ своимъ глазомѣромъ опредѣлять важность всякаго факта, даже и преступленія, по *прикическимъ послѣдствіямъ* его—смотретьъ на столько сравнительно легко,**) что было бы большою смѣлостью ожидать того, чтобы

*.) Это участіе при исполненіи пьесы на сценѣ конечно, должно быть рельефно выражено артистами.

**) Каждому извѣстно, что почти во всякой русской деревнѣ найдутся завѣдомыя матери дѣтубийцы, и никто никогда на нихъ не допосить.

у совершившаго эти преступлениа заговорила когда-либо совѣсть.

Я думаю, теперь ясно для всякаго, почему Толстой заставляетъ Никиту употребить такой *странній* и звѣрскій способъ (раздавилъ доской) умерщвленія младенца. Всякій, даже и не особенно проницательный человѣкъ, пойметъ и согласится съ тѣмъ, что такой пассажъ, какъ жалобный письмъ ребенка и трескъ ломаемыхъ костей его, неожиданно изобличившіе все звѣрство и *отвратительность* убийства, долженъ былъ произвести паразительное дѣйствіе не только на Никиту, повичка въ дѣлѣ убийства, но и на самого закоренѣлаго злодѣя, совершившаго дотолѣ хладнокровно, можетъ быть, десятки убийствъ. Однимъ словомъ, раздавливаемый ребенокъ произвелъ на Никиту такое *дисгармоническое* впечатлѣніе, что съ этого момента значеніе совершенного убийства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *отвращеніе къ себѣ* достигли у него до высочайшей степени. Обязательный и естественный исходъ такого настроенія духа, конечно—страшныи угрызенія совѣсти, ведущія или къ самоубийству*), или къ раскалинию.

Всѣмъ этимъ, я думаю, мнѣ удалось доказать, что раскалине Никиты есть явленіе вполнѣ случайное, зависящее отъ особыхъ экстраординарныхъ обстоятельствъ.

Послѣ этого совсѣмъ не будетъ смысла мое утвержденіе, что Никита можетъ и не произвести на (простыхъ) слушателей и зрителей пьесы—того благодѣтельного нравственнаго впечатлѣнія, на которое разсчитывается Авторъ. При той легкости взгляда нашего крестьянина на *извѣстнія* преступленія (этотъ фактъ, по моему, Толстой блистательно доказалъ своей драмой), вызывающія—такъ сказать—*общее* благо и практическія выгоды для большинства, нисколько ни будетъ удивительнымъ, если многие изъ зрителей и зрительницъ (крестьянъ) вполнѣ примирились бы съ фактомъ убийства ребенка, (который, будучи нулемъ въ глазахъ ихъ, мѣшалъ счастью цѣлой семьи), если бы оно только было чисто и ловко сдѣлано.

Способъ же умерщвленія ребенка вызоветъ у многихъ совсѣмъ особаго рода раздраженіе противъ Никиты: большинство „темныхъ“ читателей и зрителей наградитъ его цѣлой серіей нелестныхъ эпитетовъ, но только не въ родѣ: „извергъ“, „злодѣй“ и т. д., а скорѣе „дуракъ“, „болванъ“ и т. д. (вообще эпитетомъ, характеризующимъ неловкаго человѣка), причемъ пожалуй еще будутъ думать про себя: „иѣтъ, если бы довелось такое дѣло до меня, такъ я бы обдѣлалъ его чище“.

Слѣдя за страшными угрызеніями совѣсти Никиты, яви-

*) Никита дѣлалъ неудачнія попытки совершить его.

шимися следствием неловкаго убийства, невежественные зрители, чего доброго, будуть говорить: „такъ тебѣ и нужно дураку!!! ишь вѣдь что придумалъ—доской“!

Всѣ мои послѣднія разсужденія я вѣль лишь къ тому, чтобы смѣть съ нѣкоторымъ основаніемъ задать Автору такой коварный вопросъ: „Совершенно ли вы увѣрены, Ваше Сиятельство, въ томъ, что драма ваша *обязательно* произведетъ вполнѣ нравственное впечатлѣніе на Вашихъ слушателей и зрителей?.. не произведетъ ли она, наоборотъ, безнравственное на нихъ впечатлѣніе?

Резюме всего мною сказаннаго: Толстой писалъ драму для народа, но не народу читать и слушать ее. „Власть Тьмы“, съ замѣчательною художественною вѣрностью и вынужденностю рисующая борьбу за существованіе въ нашемъ крестьянскомъ быту, есть драгоценнѣйший источникъ *истинного народопознанія и народопониманія*.

Толстому особенно удалось сочетать самыя рѣзкія противоположныя черты, действительно, присущія нашему крестьянину. Пропитанный съ ногъ до головы *наивнымъ животнымъ* (самымъ безпощаднымъ по этому) эгоизмомъ, простолюдинъ нашъ вѣдь известные, наиболѣе важные, моменты жизни способенъ къ проявленію самыхъ высокихъ христіанскихъ чувствъ и порывовъ; однимъ словомъ, народъ нашъ по своей непосредственности, цѣльности и чистотѣ представляетъ ту благодарную библейскую почву, которая способна воздать сторицей *всякое семя* въ нее брошенное.

P. S. Я ничего не сказалъ по поводу деревенскаго женскаго вопроса, затронутаго Толстымъ—боился копнуть его: пришлось бы пожалуй еще столько написать. Скажу одно: „безиаутическимъ стадомъ“ держится вся наша деревня. Для меня лично: наша русская крестьянка—типъ въ высокой степени *симпатичный*.

B. Л—минъ.